

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

---

*ЭНН С ОСТРОВА
ПРИНЦА ЭДУАРДА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *В. Бернацкой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Художник *Е. Фerez*

Монтгомери, Люси Мод.
М77 Энн с острова Принца Эдуарда : [роман] / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского В. Бернацкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-176198-1

Восемнадцатилетняя Энн Ширли вместе с верными друзьями покидает Эйвонли, чтобы начать учебу в Редмондском университете. Впереди девушку ждут новые знакомства, неожиданные испытания, радости и открытия. Энн взрослеет, ищет свое место в жизни, учится отличать мимолетные увлечения от настоящего чувства и пытается понять, чего же хочет ее сердце. Но несмотря на все перемены, Энн остается самой собой — рыжеволосой неунывающей и искренней мечтательницей, верной своим идеалам.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-176198-1

© Перевод. В. Бернацкая, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Всем девушкам мира,
которые хотели узнать больше об Энн*

*Кто страстно сокровище ищет,
С годами его обретет,
И Любовь с Судьбою свыше
Покров с него сорвет*

А. Теннисон

Глава 1

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

«Прошла жатва, кончилось лето»¹ — процитировала Энн слова из Библии, мечтательно обводя взглядом опустевшие поля. Они с Дианой Барри собирали яблоки в Зеленых Крышах, а сейчас, отдыхая от трудов праведных, присели в солнечном уголке сада. Легкий ветерок, напоенный все еще летним, благоуханным ароматом папоротников из Зачарованного Леса, нес на своих воздушных крылышках семена чертополоха.

Но все вокруг не забывало напоминать об осени. Вдали угрюмо шумело море, осиротевшие, высохшие поля окаймлял желтый золотарник, а берег ручья, бегущего ниже Зеленых Крыш, утопал в нежно-фиолетовых астрах. Озеро Мерцающих Вод было синим-синим, и это не была переменчивая весенняя синева или нежная лазурь лета. Вода обрела ясную, основательную спокойную синь, словно ей надоели прежние забавы и игры, и она нашла наконец

---

¹ Иеремия, 8:20. — *Здесь и далее примеч. пер.*

покой, неподвластный легкомысленным мечтаниям.

— Лето было прекрасным, — сказала Диана, с улыбкой покручивая новое колечко на левой руке. — А его венцом стала свадьба мисс Лаванды. Наверно, мистер и миссис Ирвинг сейчас на Тихоокеанском побережье.

— У меня такое ощущение, что за это время они могли бы с успехом совершить кругосветное путешествие, — вздохнула Энн. — А ведь прошла всего неделя. И сколько перемен! Нет мисс Лаванды, уехали мистер и миссис Аллен. Как сиротливо выглядит пасторский дом с закрытыми ставнями! Вчера я проходила мимо, и у меня было чувство, словно в доме покойник.

— У нас никогда не будет такого священника, как мистер Аллен, — с мрачной уверенностью объявила Диана. — Этой зимой на нас посыплются, как из рога изобилия, многочисленные кандидаты, но по воскресным дням мы частенько будем оставаться без проповеди. Уедете и вы с Гилбертом — хоть вешайся!

— Фред останется, — проговорила лукаво Энн.

— А когда к вам переедет миссис Линд? — Диана поспешила сменить тему, словно не расслышала этих слов.

— Завтра. Я этому рада — правда, это еще одна перемена. Вчера мы с Мариллой полностью освободили гостевую комнату. И знаешь, мне это

было неприятно. Глупо, конечно, но наши действия казались мне кощунством. Старая комната всегда представлялась мне святилищем. В детстве я считала ее самым таинственным местом в мире. Помнишь, как меня преследовало желание провести ночь в комнате для гостей? Но это не относилось к гостевой комнате в Зеленых Крышах! Нет, никогда! Это казалось невероятным — я и глаз не сомкнула бы от благоговейного страха. Когда Марилла посылала меня с каким-нибудь поручением, я не могла просто пройти по этой комнате, а ступала робко, на цыпочках, затаив дыхание, будто нахожусь в церкви. А выходя оттуда, чувствовала большое облегчение. По обе стороны от зеркала там висели портреты Джорджа Уайтфилда¹ и герцога Веллингтона², которые сурово сдвигали брови, когда я находилась в комнате — особенно, если осмеливалась глянуть в зеркало. Но это было единственное зеркало в доме, которое не искажало изображение. Меня всегда удивляло, как Марилла осмеливается убирать эту комнату. А сейчас ее не просто убрали, а, можно сказать, вылизали. Джорджа Уайтфилда и Герцога препроводили наверх. «Так прохо-

---

¹ Джордж Уайтфилд (1714–1770) — английский проповедник, один из основателей протестантской церкви методистов.

² Артур Уэсли, первый герцог Веллингтон (1769–1852) — британский полководец, победитель битвы при Ватерлоо.

дит мирская слава»¹, — произнесла Энн со смехом, в котором присутствовала и грустная нотка. Неприятно, когда рушатся старые кумиры, даже если вы их переросли.

— Без тебя здесь будет очень одиноко, — жалобно произнесла Диана — наверное, в сотый раз. — Не могу поверить, что ты уезжаешь уже на следующей неделе.

— Но пока мы вместе, — подбодрила ее Энн. — Мысль о расставании не должна омрачать эти радостные дни. Мне самой тяжело покидать Зеленые Крыши, с которыми сроднилась навек. Ты говоришь об одиночестве! Но горевать нужно мне. Ты останешься среди друзей... и Фред будет рядом! Меня же будут окружать чужие люди — ни одной родной души.

— Будет Гилберт... и Чарли Слоун, — сказала Диана, копируя лукавую интонацию Энн.

— Чарли Слоун — большое утешение, конечно, — с иронией согласилась Энн, и обе легкомысленные девицы заливисто расхохотались. Диана прекрасно знала, что думает Энн о Чарли Слоуне, но отношение подруги к Гилберту Блайту оставалось неясным, несмотря на частые доверительные беседы. Да Энн и сама этого толком не знала.

— Насколько мне известно, пансион мальчиков находится на другом конце Кингспорта, —

---

¹ Перевод латинской фразы «Sic Transit Gloria Mundi».

продолжила Энн. — Но я рада, что еду в университет, и уверена, что со временем полюблю это место. Однако первые недели на стенку лезть буду, это точно. В Королевской Академии нас хотя бы на уикенд отпускали домой, и с каким нетерпением я этого ждала. А тут только каникулы на Рождество, а до него еще тысячу лет.

— Все меняется или вскоре изменится, — печально проговорила Диана. — У меня такое чувство, что ничего уже не будет по-прежнему.

— Думаю, мы находимся на перепутье, — сказала задумчиво Энн. — Этого не избежать. Уж не знаю, Диана, так ли хорошо взрослеть, как мы думали в детстве.

— Даже не знаю, что сказать. Кое-что хорошее в этом есть, — ответила Диана, теребя колечко с особой улыбкой, всегда вызывающей у Энн чувство собственной неполноценности. — Но многое озадачивает. Иногда мысль о неотвратимом взрослении пугает, и тогда кажется — все на свете отдала бы, чтоб снова оказаться в детстве.

— Думаю, со временем мы привыкнем быть взрослыми, — весело предположила Энн. — Неожиданностей будет все меньше — хотя именно они вносят изюминку в жизнь. Сейчас нам по восемнадцать. Через два года будет двадцать. В десять лет мне казалось, что двадцать — глубокая старость. Так что не успеем опомниться, как ты превратишься в степенную матрону, а я в обходи-

тельную старую деву — тетушку Энн, приезжающую к тебе в отпуск повидаться. У тебя ведь найдется уголок для меня, правда, Ди? Конечно, не гостевая комната — на это я не претендую? Разве старая дева может на такое рассчитывать. Подобно Урии Гипу¹, я буду смиренной и довольствуюсь укромным местечком подальше от гостиной.

— Что за чушь ты несешь, Энн, — рассмеялась Диана. — У тебя будет лучший на свете богатый красавец-муж, ни одна гостевая комната в Эйвонли не устроит тебя, и ты будешь задирать нос перед друзьями юности.

— Печальная участь! Мне нравится мой нос, и я не уверена, что вздернутый будет лучше, — сказала Энн, поглаживая очаровательный носик. — Больше мне гордиться нечем, и я не могу себе позволить испортить то единственное, чего не стыжусь. Поэтому, даже если я выйду замуж за короля Каннибаловых островов, обещаю тебе, Диана, не задирать нос.

Весело посмеявшись на прощание, девушки расстались — Диана направилась домой, в Яблоневый Косогор, а Энн — на почту. Там ее ожидало письмо, и, когда Гилберт Блайт нагнал Энн на мосту через Озеро Мерцающих Вод, она светила от счастья.

---

¹ У р и я Г и п — отрицательный персонаж из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд», злодей и циник, прикидывающийся смиренным.

— Присцилла Грант тоже едет в Редмонд, — воскликнула Энн. — Разве это не чудесно? Я на это надеялась, но сама Присцилла не думала, что отец ее отпустит. Однако его уговорили, и, выходит, мы будем жить с ней вместе в одном пансионе. С такой подругой, как Присцилла, можно противостоять целой армии со знаменами, и ни один профессор теперь не страшен.

— Думаю, Кингспорт нам понравится, — сказал Гилберт. — Говорят, это уютный старинный городок с чудесным заповедником. Природа там великолепная.

— Не думаю, что она лучше, чем в наших краях, — тихо проговорила Энн, оглядываясь вокруг любовно-восхищенным взглядом человека, для которого дом — лучшее место на свете и другого такого не найти.

Опершись на перила моста, они молча стояли, впитывая очарование сумерек — как раз у той опоры, на которую Энн вскарабкалась из тонущей плоскодонки, когда изображала Элейн, плывущую в Камелот¹. Багровый цвет заката еще окрашивал западное небо, но луна уже поднималась над горизонтом, и ее серебристый отблеск падал на спокойную гладь озера. Нежная тень воспоминаний окутала молодых людей.

---

¹ Смотри «Энн из Эйвонли» — вторую книгу из серии про Энн.

— Ты очень молчалива, Энн, — проговорил Гилберт.

— Боюсь разрушить эту благостную красоту, — прошептала она.

Неожиданно Гилберт положил ладонь на тонкую белую руку, лежащую на перилах моста. Его карие глаза потемнели, все еще мальчишеские губы приоткрылись, готовые произнести слова полные мечтаний и надежды. Но Энн отдернула руку и быстро повернулась.

— Мне нужно домой! — воскликнула она с наигранной беззаботностью. — У Мариллы с утра разболелась голова, а близнецы в это время дня обычно ходят на голове, с ними трудно. Нужно торопиться.

Энн, как показалось бы со стороны, непридуманно болтала о всякой всячине, пока они не подошли к тропе, ведущей к Зеленым Крышам. У бедного Гилберта не было никакого шанса вставить хоть словечко. Когда они расстались, Энн почувствовала облегчение. Со времени той, сблизившей их, минуты откровенности в саду Обитатели Эха¹ у нее возникла странная неловкость в общении с Гилбертом. Что-то непонятное вторгло в давнее знакомство одноклассников, и оно могло испортить старую дружбу.

«Раньше меня никогда не радовало расставание с Гилбертом, — думала с печалью и обидой

---

¹ См. «Эйн из Эйвонли».

Энн, поднимаясь по тропе. — Если он не оставит эти глупости, нашей дружбе придет конец. А мне этого не хочется. Почему мальчики такие неразумные?» Собственная «разумность» тоже была под вопросом. Она до сих пор ощущала на руке нежное прикосновение Гилберта и не могла назвать это чувство неприятным. Другое дело — когда подобную вольность позволил себе три дня назад Чарли Слоун во время танцев на вечеринке в Уайт-Сэндз. Вот это было по-настоящему отвратительно — Энн даже передернуло от воспоминания. Но проблемы, связанные с потерявшими голову поклонниками, мгновенно испарились, стоило ей оказаться в простой, лишенной сентиментальности атмосфере кухни Зеленых Крыш, где, уткнувшись в диван, лил горькие слезы восьмилетний мальчик.

— Что случилось, Дэви, где Марилла и Дора? — спросила Энн, заключив его в объятия.

— Марилла укладывает Дору, — рыдал Дэви, — а я плачу, потому что Дора свалилась в погреб головой вниз и весь нос исцарапала, и...

— О, не плачь, дорогой. Я понимаю, как ты расстроен, но слезами горю не поможешь. До завтра у нее все заживет.

— Я плачу по другой причине. Не потому, что Дора свалилась в погреб, — оборвал нравоучение захлебывающийся от рыданий мальчик. — А потому, что я не видел, как это произошло. Вечно все интересное проходит стороной!

— О, Дэви! — Энн с трудом подавила нечестивое желание рассмеяться. — Что интересно в том, что бедняжка упала с лестницы и расшиблась?

— Не очень-то она и расшиблась, — возразил с вызовом Дэви. — Если б она и правда убилась насмерть, я бы горевал. Но нас, Китов, не так просто укокошить. В этом мы похожи на Блюитов. В прошлую среду Херб Блюит свалился с сеновала и, прокатившись по собранной репе, оказался прямиком в стойле, чуть ли не под копытами злобного дикого жеребца. Однако он уцелел, отделавшись тремя сломанными ребрами. Миссис Линд говорит, что некоторых людей и топором не убьешь. А что, миссис Линд завтра к нам переезжает?

— Да, Дэви, и, надеюсь, ты всегда будешь с ней вежлив и обходителен.

— Да, не беспокойся... Она что, будет меня укладывать спать?

— Возможно, а что?

— А то, что при ней я не смогу молиться, как делал при тебе.

— Это почему же?

— Не думаю, что хорошо говорить с Богом при посторонних. Дора может поступать, как хочет, а я не стану. Подожду, когда миссис Линд уйдет, а потом прочитаю молитвы. Так можно, Энн?

— Можно, если не забудешь этого сделать, Дэви.

— Вот те крест, не забуду. Ведь читать молитвы забавно. Но при других это совсем не то, что при тебе. Не уезжала бы ты, Энн. Не пойму, чего ты так рвешься уехать и бросить нас.

— Рвусь — не то слово, Дэви, просто я понимаю, что это необходимо.

— Но если не так сильно хочешь, то и ехать не надо. Ты ведь взрослая, Энн. Когда я вырасту, буду делать только то, что хочется, — ничего через силу.

— Во взрослой жизни, Дэви, тебе часто придется делать не то, чего тебе хочется.

— Вот уж дудки, — решительно заявил Дэви. — Как бы не так! Сейчас мне приходится делать разные неинтересные вещи, иначе вы с Мариллой отправите меня в постель. А когда я вырасту, никто не сможет мне указывать, что делать. Вот будет лафа! А знаешь, Энн, мать Милти Булдера говорит, что ты едешь в университет, чтоб подцепить себе жениха. Это правда? Я хочу знать.

На секунду Энн чуть не задохнулась от возмущения, но тут же рассмеялась. Не следует обращать внимания на слова грубой и пошлой миссис Булдер.

— Вовсе нет, Дэви. Я еду учиться, чтобы взрослеть и узнавать много нового о разных вещах.

— О каких?